

АЛЕКСАНДР ФОН ГУМБОЛЬДТ: КОЧУЮЩАЯ МЫСЛЬ И ЖИЗНЕННАЯ НАУКА

Оттмар Эtte – доктор литературы, профессор.
Университет Потсдама.
Am Neuen Palais 10, 14469,
Потсдам, Германия;
e-mail: ette@uni-potsdam.de

Научные интересы А. фон Гумбольдта простираются от антропологии и доколумбовой истории Америки до геологии и географии, климатологии и теории культуры; от физики и географии растений до истории языка, вулканологии и зоологии. Будучи ученым, он пересекал дисциплинарные границы и искал новые пути познания. Гумбольдт развивал трансдисциплинарное и, в широком смысле, номадическое знание. Как настоящий кочевник, он не стремился завоевать или разрушить территорию знания. И потому неудивительно, что он стал одним из основоположников экологического и геоэкологического мышления. Гумбольдт публиковал работы на немецком и французском языках. В своих «Американских дневниках», которые были возвращены в Берлин в ноябре 2013 г., но до сих пор не изучены, Гумбольдт постоянно переходит с немецкого на французский, с латинского на испанский. Автор «Космоса» чужд всякого национализма. Гумбольдт – это номад от науки, и в этом смысле – гражданин мира. Первый теоретик глобализации кочевал от слова к слову, от науки к науке, от мира к миру. Для него постоянное перемещение было не просто основой научной программы, а образом жизни. Гумбольдт не стремился к специализации в знании, поскольку она ограничивает диалог с другими областями. Его мышление не укладывается в привычные понятия дисциплинарности или междисциплинарности. Оно взыскует нового мира, в котором человечество будет существовать в согласии и свободе.

Ключевые слова: Александр фон Гумбольдт, Американские дневники, Космос, номадическая наука, ускоренная глобализация, гумбольдтовское наследие

ALEXANDER VON HUMBOLDT: NOMADIC THINKING AND LIVING SCIENCE

Ottmar Ette – PhD in Literature, professor.
University of Potsdam. Am
Neuen Palais 10, 14469
Potsdam, Germany;
e-mail: ette@uni-potsdam.de

The long-term scientific interests of Alexander von Humboldt ranged from anthropology and ancient American studies to geology and geography, climatology and cultural theory, physics and plant geography to language history, volcanology and zoology. As a scientist, he crossed different disciplines and explored new paths of knowledge. Humboldt developed a transdisciplinary and, in the widest sense, nomadic knowledge as a traveller through the sciences. Like a nomad, he did not seek to possess or destroy a territory (of knowledge): no wonder that he became the co-founder of an ecological and geo-ecological thinking. Humboldt wrote and published his works in German as well as in French. In his *American Travel Diaries*, which returned to Berlin in November 2013, and which are still awaiting their scientific analysis, Humboldt constantly changes between German and French, but also between Latin and Spanish. The author of the *Kosmos* couldn't be used for nationalist purposes. Thus, Alexander von Humboldt can be understood as a nomad of science in constant movement, and in this sense as a world citizen. This first theorist

of globalization shifted between the words, between the sciences, between the worlds. For him, the greatest possible mobility was not only a scientific program, but also the program of a life – his life. Humboldt wasn't concerned with any specialization that would lead to a fragmented dialogue with other specialists. He was concerned with a nomadic knowledge, which, thanks to his extensive network of correspondents, always delivered the opportunity to argue from different disciplinary standpoints at the same time. His thinking doesn't know the limits of interdisciplinary or "disciplined" research oppressing us today, but it rather took aim at the creation of a new world, in which mankind would be able to live together on a planetary scale in freedom and peace.

Keywords: Alexander von Humboldt, American Travel Diaries, Kosmos, nomadic Science, accelerated globalization, Humboldtian writing

В письме к Иоганну Леопольду Нойману, отправленном 23 июня 1791 г. из Фрейберга, Александр фон Гумбольдт, как и в других местах своей обширной корреспонденции из Саксонии, с типичной для него самоиронией говорит о своем времяпрепровождении в знаменитой Горной академии: «Почти все утро от 7 до 12 часов я провел в шахте, после обеда у меня были занятия, а вечером я охотился за мхами, как называет их лесничий» [Humboldt, 1973, p. 143].

На самом деле это были весьма насыщенные, оказавшие на него важнейшее влияние дни, недели и месяцы, которые провел во Фрейберге младший брат Вильгельма фон Гумбольдта. Он, будучи сравнительно свободным, вместе с друзьями из разных земель Германии образовал здесь ядро молодого, но уже высокообразованного международного *научного сообщества*. И в своей дальнейшей научной жизни он всегда стремился сохранять и обновлять дружеские связи и следовать нравственным обязательствам. Конечно, он не искал во Фрейберге вольной жизни, ибо в те годы наряду с получением образования в области горного дела он стремился найти для себя нормы и формы собственной жизни.

В период его пребывания во Фрейберге не только самоирония, но и самокритика часто звучит в его переписке с теми друзьями, с которыми он оставался в контакте на протяжении десятилетий, даже находясь за океаном. Так, в письме от 6 ноября 1791 г. Арчибальду Маклеану будущий гражданин мира замечает:

Может быть, наибольший вред приносит мне дух беспокойства, мучительное стремление к деятельности. Именно этим внутренним беспокойством объясняется тот факт, что напряженные телесные усилия быстро улучшают мое настроение. Это хороший способ привести в равновесие физические и нравственные силы. При этом я чувствую в себе так много причин для веселья, что готов поделиться им с другими. Я не знаю чувственных волнений и равнодушен к общению и к дружеским отношениям с образованными

людьми, если не нахожусь с ними в нравственной гармонии. Для того чтобы не казаться холодным и безучастным, я должен проявлять интерес ко многим вещам, которые мне безразличны. Из пустого тщеславия я должен производить приятное впечатление, обязан быть добродушным, уметь каждому сказать какую-нибудь любезность, подстраиваться под настроение каждого встречного, поэтому общение часто тягостно для меня. Но если моя веселость постепенно убывает, зато тем больше растет во мне теплая привязанность к моим друзьям. Она мне все компенсирует [Humboldt, 1973, p. 157].

Юный Гумбольдт рано осознал, что обрисованный здесь поиск равновесия не мог быть успешным без одновременного поиска постоянного движения и деятельности. Он жил общением и движением. Иными словами: мышление Александра фон Гумбольдта никогда не было спокойным и устойчивым (*monadisch*), с самого начала оно было странствующим (*nomadisch*).

Рожденный в 1769 г. под знаком кометы, младший из братьев Гумбольдтов ни в коей мере не соответствовал типу самоуглубленного, занятого только самим собой и собственной дисциплиной кабинетного ученого, так сказать, *путешественника в кресле*. Напротив, он питал самый живой интерес к миру своего времени во всех его измерениях и находился в постоянном движении в поисках новых впечатлений.

Об этом он говорит в небольшой, написанной на французском языке в 1806 г. автобиографической статье, в которой он с присущей ему иронией намекает на Жан-Жака Руссо, автора первой автобиографии в современном смысле, и которой дает примечательное название «*Моя вера*» (*Mes confessions*):

Преисполненный беспокойства и возбуждения, я не радуюсь уже достигнутому и счастлив только тогда, когда затеваю что-то новое, скажем, три вещи сразу. Именно в этом состоянии душевного беспокойства и кочевой жизни (*vie nomade*) следует искать основные причины незавершенности моих работ [Humboldt, 1987, p. 60].

Если в этих строках, в соответствии с которыми прошло полтора десятилетия, самоирония вновь соединяется с самокритикой, то результатом явилась та неукротимая энергия, которая более семи десятилетий вдохновляла его на постоянные путешествия, труды и звала его все дальше и дальше. Александр фон Гумбольдт неумоимо работал, причем не в последнюю очередь – над самим собой. Эти строки были написаны после его великого *путешествия в тропические широты нового континента*, которое он совершил вместе Эме Бонпланом. Вдвоем они составили весьма эффективную немецко-французскую исследовательскую команду и это маленькое европейское научное сообщество между 1799 и 1804 гг. совершило путешествие в американские тропики. Вся энергия движения, которую придал жиз-

ни Гумбольдта конец XVIII столетия, нашла выражение в том письме, которое младший брат пишет старшему после своего прибытия к берегам Южной Америки 16 июля 1799 г. из Кумана (Венесуэла):

Мы носились взад и вперед как сумасшедшие. В первые три дня мы никак не могли понять, почему один человек бросает предмет так, чтобы другой мог его поймать. Бонплан уверяет, что мог бы понять, если бы это чудо вскоре не закончилось. <...> Чувствую, что здесь я буду очень счастлив и впоследствии здешние впечатления часто будут доставлять мне радость [Humboldt, 1993, p. 42].

Действительно, путешествие в американские тропики стало путешествием его жизни, это было такое путешествие, которое для молодого тридцатилетнего исследователя было чем-то вроде прибытия в научное Эльдorado. Однако Гумбольдт не мог найти свое счастье в одном месте, в одном пространстве, в одном регионе, его счастье было в движении. Едва лишь успел он возвратиться в Европу после своего эпохального путешествия, научной оценкой которого он занимался до самой своей смерти в 1859 г., как уже планирует следующую экспедицию во внутреннюю Азию. Период *после* одного путешествия для Александра фон Гумбольдта всегда был только периодом *перед* новым путешествием.

Несмотря на то, что эта вторая трансконтинентальная экспедиция в центральную Азию, направленная не в тропики и не с севера на юг, а с запада на восток, через земли русского царя до границы с Китаем, осуществилась только в 1829 г., для Александра фон Гумбольдта всегда было ясно одно: подлинное «осознание мира», которое позднее он представил в своем «Космосе», нельзя получить без *опыта* и переживания новых путешествий. Мировоззрение Гумбольдта не ограничивается эмпирией, оно опирается на созерцание мира. И если Александра фон Гумбольдта можно назвать гражданином мира, то вовсе не в том смысле, в котором в XVIII столетии «гражданином мира» (*citoyens du monde*) называли всех тех, кто за пределами своей родной страны легко ориентировался в Европе. Для автора «*Картины природы*» («*Ansichten der Natur*») осознание мира и себя как гражданина мира уже с самого начала включало в себя некий нравственный постулат о совместной жизни в глобальном масштабе. Этот постулат должен был основываться не на одном только теоретическом построении, но также на эмпирической практике переживания и опыта мира.

Поэтому путешествия для Гумбольдта были чем-то гораздо большим, нежели живое физическое движение в трехмерном пространстве. Они согласовались, без сомнения, с его «преодолением нравственного беспокойства» (*esprit d'inquietude morale*), не только трансформируя внутреннее движение во внешнее, но преобразуя оба в одно бесконечное послание, пронизывающее всю его жизнь. Так, Алек-

сандр фон Гумбольдт всю жизнь работал над своим американским дневником и не завершил его, как несколько десятилетий спустя он писал в своем «Космосе». И не было ли это послание, в котором он в зрелые годы размышлял над собственными ранними путешествиями, только лишь еще одним путешествием в многомерном пространстве и в просторах теории, над которой Александр фон Гумбольдт работал всю свою жизнь?

* * *

Можно спросить о том, что же в конце этой почти девятидесятилетней жизни всемирно известного путешественника, исследователя, ученого и писателя¹ должно остаться в качестве *послеобраза* на сетчатке читающей публики, круг которой в пространстве простирается далеко за пределы Пруссии, Франции и Европы, а во времени в последние годы жизни ученого захватывает уже будущие поколения. Можно ли определить тот образ, которым сам Александр фон Гумбольдт хотел войти в это будущее? И какое значение этот образ обретет в контексте того временного отрезка, который отмечает самое напряженное усилие к зарождению теоретической, методологической и эпистемологической сложности Гумбольдтовой науки?²

Что еще осталось показать, когда в конце этой долгой жизни все писания закончились и 6 мая 1859 г. Александр фон Гумбольдт, работая над пятым томом «Космоса», выронил из рук перо? Эдуард Бушманн, часто забываемый помощник братьев Гумбольдтов, сделал отметку в этом месте обобщающей работы Гумбольдта: «Смерть великого автора оборвала нить этой работы» [Humboldt, 1845–1862, vol. 85]. На последний свой большой портрет Гумбольдт еще мог оказать значительное влияние, здесь он в последний раз мог показать, как бы он хотел быть прочитанным и понятым последующими поколениями. Но что входит в этот последний портрет, в это изображение его теории и эпистемологии, в котором проявляется и искусство, и наука? Что отличает этот образ прусского гражданина мира?

¹ Относительно биографии Александра фон Гумбольдта см.: краткий набросок самого Гумбольдта: Bierman, 1990; во второй половине 20-го столетия были опубликованы обширные биографии, написанные Бекем (Beck), 1959–60, а также Пфайфером, 1960; Хайном, 1985; Мингуэтом (Minguet), 1994; в самое последнее время см.: [Kratz, 2007]. Специально об американском путешествии см. влиятельную работу [Макингтайр, 1982].

² Понятие и определение ее под названием Humboldtian Science можно найти в [Кэннона, 1978, р. 73–110]. Это понятие Гумбольдтовской науки я пытался развить в: [Ette, 2002, р. 34–45], и обобщить в: [Ette, 2009, р. 16–35]. Обширная библиография сочинений Гумбольдта представлена в [Фидлер, Ляйтнер, 2000].

Уже с первого взгляда видно, что даже на этом предсмертном портрете никак не мог отсутствовать дневник американского путешественника. На превосходной картине Юлиуса Шрадера на фоне Чимборасо и Гаргуайразо перед нами предстает Гумбольдт, который оторвался от письма и смотрит на нас, как будто мы, рассматривая его, помешали ему, склонившемуся над записью в маленькой книжечке, которую он держит на коленях. В долгой иконографии Александра фон Гумбольдта здесь в последний раз появляются те «Письма перед лицом вещей», которые имели столь большое значение для эпистемологии и науки Гумбольдта³. Картина (Bild-Schrift) Юлиуса Шрадера указывает на рукопись (Hand-Schrift) целой жизни.

Александр фон Гумбольдт всегда стремился оказать влияние на свои портреты, которые изображали его в качестве ученого за работой. Здесь он является нам как пишущий в окружении природы в ходе своего путешествия через территории равноденствия нового континента, который рядоположен образу письменного стола. Это находилось в прямом противоречии с доминирующей иконографией XVIII столетия, когда изображаемые авторы представляли преимущественно на фоне своих книг в замкнутом пространстве рабочей комнаты или библиотеки⁴.

Однако на полотне 1859 г. Юлиусу Шрадеру хотелось – как это уже было сделано полстолетия назад в великом наброске Фридриха Георга Вайча 1806 г. – представить инсценировку, где он находился бы в пространстве, которое было бы эмблемой всей его деятельности и жизни – в пространстве путешествия, в пространстве его творчества в Америке.

Так Чимборасо⁵, без сомнения, не только образует задний план достигнутого там Гумбольдтом рекорда высоты в смысле высшего пункта американского путешествия, но одновременно выступает и как символ восхождения в самопознании Гумбольдта – самопознании, которое остается незаконченным. Чимборасо, бессчетное число раз встречающийся на портретах Гумбольдта, символически представляет знание о том, чего никогда нельзя достигнуть, что никогда не приходит к концу. Гумбольдт всегда был человеком, готовым отправиться в путь, человеком, жившим в пути и не желавшем остановиться, и он ту самую гору, на которую не смог подняться, избрал в качестве символа незаконченности собственного дела. На полотне Юлиуса Шрадера величественно возвышается белая голова старца, который также смотрится на заднем плане как «старец перед горой»

³ Об этих «Письмах перед лицом вещей» и о важности наглядности для Гумбольдта см.: [Ette, 1991, p. 1563–1597].

⁴ См. главу «Глаз, ухо и место пишущего» в: [Ette, 2001, p. 119–192].

⁵ Чимборасо – потухший вулкан, семитысячник, самая высокая точка Эквадора, которую в XIX в. считали самой высокой горой в мире – *Примеч. ред.*

[Biermann, Schwarz, 2008], причем оба колосса имеют одинаковую высоту. На этой высоте представляет Шрадер великого путешественника и писателя той публике, которая очень хорошо знала, каких не только горных высот достиг этот исследователь и ученый. Портрет отчетливо показывает, что сам Гумбольдт на долгое время стал иконой науки.

Холодные, гаснущие краски неба и вершин Анд, в последний раз сверкнувших в свете заходящего солнца, создали выразительную композицию, которую Гумбольдт незадолго до своей кончины уже, казалось, передал потомкам – конечно, тем потомкам, которые в написанном слове нашли средство коммуникации. Мысль, запечатленная в образе, ведет нас к исходному ядру творчества Гумбольдта – к дневнику путешественника, который, конечно, можно причислить не только к области письма и письменности.

На портрете Гумбольдт изображен не со своим «Космосом», а с теми тетрадами, в которых он писал и что-то отмечал, вычеркивал и опять записывал, рисовал и делал заметки. Здесь мы имеем письмо в движении и науку, возникающую из движения. В уже почти безжизненных, но в то же время одухотворенных красках картины представлена жизнь кочевника науки – такая жизнь, которая свое лучшее выражение может найти не в замкнутом и тем самым завершенном, законченном произведении, а формируется в процессе движения. Здесь в высшей степени эстетично нашим глазам представлена незавершенность, процессуальность как науки Гумбольдта, так и его сочинений. Едва ли мы сможем понять рисунки в дневнике Гумбольдта, ибо для эпистемологии кочующего мышления рисунок одновременно является рукописью.

На первый взгляд можно удивиться, что здесь уже очень пожилой человек что-то пишет в дневнике путешественника. Кажется, что это мог бы делать только молодой Гумбольдт во время своего путешествия между 1799 и 1804 гг., когда он заполнял тысячи страниц своими сообщениями и заметками, протоколами измерений и таблицами, диаграммами и эскизами, колонками чисел и вычислениями. Не налагаются ли друг на друга на полотне Шрадера две разные временные плоскости и два разных пространства, которые с научной точки зрения должны быть разделены? Позволительно ли художнику соединить вместе писание тридцатилетнего человека и писание шестидесятилетнего, а также писание в Америке с писанием в Европе, в одном образе – с подспудной мыслью представить Гумбольдта «старцем горы» (*Vecchio della Montagna*)?

Если проанализировать иконографию Гумбольдта с этой точки зрения, то быстро становится ясно, что облаченный Шрадером в черное платье образ уже задолго до него был представлен нам в более ранних рисунках. Уже Эдуард Гильдебрандт разместил письменный стол в дев-

ственном лесу, а Фридрих Георг Вайч с полного согласия Гумбольдта изобразил его в 1806 г. в измененном пространстве и времени. Полотно Шрадера 1859 г. отобразило только лишь один последний поворот в жизни Гумбольдта. Теория, побудившая Шрадера поместить Гумбольдта среди гор сегодняшнего Эквадора, является не только эпистемологией движения, но предписывает также нахождение и переживание некоторого третьего измерения, эстетизирующего горный мир. Дополнение к этому содержится в картине фон Вайча, представляющей Гумбольдта в ином, столь важном для его мышления и творчества ландшафте теории, в низменностях Ориноко и Амазонки, где все явления сплетены в единую наглядную сеть искусства и науки. Очень точно отмеченные, измеренные и картографированные Гумбольдтом разветвления Касикьяре⁶, великой речной системы южноамериканского континента, так выразительно переплетены друг с другом, что здесь возникает картина того громадного многообразия связей, которое имело фундаментальное значение для науки и литературного творчества Гумбольдта.

В работе Гильдебрандта 1848 г. дневник путешествия также играет заметную роль. Если рассматривать эту акварель не с той точки зрения, что изображение ландшафта Гильдебрандтом становится все более точным, то здесь мы также увидим одетого в черное Гумбольдта, сидящего за своим письменным столом, а для изображения взгляда, осанки и позы моделью как раз могло бы служить полотно Юлиуса Шрадера. При сравнении обеих картин легко узнается почерк самого Гумбольдта – в смысле его участия в работе над одной схемой изображения.

Следовательно, акварель Эдуарда Гильдебрандта обладает не только документальной ценностью, но содержит в себе некоторое понимание науки, которое в его наброске должно стать очевидным. Несомненно одно: начиная с 1843 г. Гильдебрандт находился в непосредственной связи [Ette, Vernecker, 2001; Kutzinski, Ette, Walls, 2012] с семидесятилетним ученым и хорошо знал рабочую комнату Гумбольдта на Ораниенбургской улице. Как раз по оценке самого Гумбольдта молодой пейзажист в своей акварели достиг почти документальной точности. Это доказывается собственноручной надписью Гумбольдта на цветной литографии: «Верное изображение моей рабочей комнаты, в которой я писал вторую часть “Космоса”. А. ф. Гумбольдт»⁷.

Действительно, Гумбольдт писал и ненадолго отрывался от этого занятия, когда кто-то входил в его рабочую комнату. Однако человек, много путешествовавший в далеких краях, писал не на поверхности

⁶ Касикьяре – река на юге Венесуэлы. 410 км, площадь бассейна 45 тыс. кв. км. Ответвляется от р. Ориноко, впадает в р. Гуайния (верховье р. Риу-Негру, система Амазонки). Классический пример бифуркации рек – *Примеч. ред.*

⁷ Ebd. При этом не следует забывать о том, что вторая часть «Космоса» содержит центральное ядро эстетической и научной концепции Гумбольдта относительно пейзажной живописи.

своего письменного стола, а на правом колене, часто перекладывая ноги. Как удостоверяют многие осведомленные современники, акварель 1848 г. содержит множество деталей, которые в точности согласуются с обстановкой рабочей комнаты Гумбольдта в Берлине [Nelken, 1980, p. 134]. Как бы то ни было, некоторые свидетели работы Гильдебрандта позднее говорили об ином [Ette, 2001, p. 186]. Для нас в данном случае наиболее важным является то, что на этом изображении, как позднее и у Шрадера, Гумбольдт пишет на колене. В картине представлено, как он писал – как писал во время путешествия, как писал в дневнике путешествия. Дневники путешествия Гумбольдта здесь вполне уместны.

Референциальная функция такого способа изображения не вызывает вопросов. В исследованиях, посвященных Гумбольдту, с давних пор считается бесспорным, что вследствие ревматических болей, которыми он обзавелся, вероятно, на Ориноко, ученый имел привычку часто писать на колене. Ссылкой на такую манеру письма обычно обосновывают необычные и часто с трудом поддающиеся расшифровке рукописные тексты Гумбольдта, в которых строчки наезжают друг на друга – как, например, в его маленьком блокноте. Уже самый поверхностный взгляд на его американские дневники показывает, насколько сильно эта манера письма проявилась на тысячах страниц дневников путешествия.

Мы не знаем, конечно, какую часть дневника американского путешествия занимают страницы, написанные на правом колене. Даже если бы такое представление могло удивить читателя, незнакомого с историей дневника, оно ни в коей мере не является ошибочным, даже если речь идет о манере письма семидесятилетнего ученого. Александр фон Гумбольдт действительно в течение всей жизни много занимался своим американским дневником, причем обращался к нему не в редких случаях, а до последних лет своей жизни вносил в эти тетради замечания, указания, правку и т. п. Американские дневники Гумбольдта представляют собой нечто гораздо большее, чем простое описание путешествия: они показывают развитие центрального ядра совокупного труда Гумбольдта и не только сопровождают ученого в нескольких путешествиях, но остаются с ним на протяжении всей жизни, в его, так сказать, путешествии по жизни.

Конечно, акварель Эдуарда Гильдебрандта никоим образом не является простой документальной фотографией гражданина мира, это произведение искусства, которое представляет референциальные функции в виде эстетической конструкции, выполненной во вполне определенной манере, традиции и привычке. Благодаря этому на полотне возникает некое пространство познания, далеко выходящее за рамки рабочей комнаты прусского ученого. Находящаяся на стене карта мира не просто намекает, но однозначно свидетельствует о том,

что здесь представлен портрет гражданина мира, громадные знания которого, разнообразные тома книг, карты, рукописи и другие материалы отображают в себе весь мир.

Однако карта мира на стене говорит о еще большем. В соединении с ней падающий из окна слева свет создает освещенную композицию объектов, заставляющую вспомнить знаменитый образец искусства из истории живописи. Многочисленные соотношения предметов напоминают знаменитое полотно Яна Вермеера «Аллегория живописи», созданное в 1666 г. Падающий из окна свет освещает не всю висящую на стене карту, а «только» карту Нидерландов, и это говорит о том, что композиция Вермеера целиком присутствует в акварели Гильдебрандта. Если наложить эти две картины друг на друга, то место Клио – аллегорического воплощения истории и славы – займет тот человек, который воспроизводит самого себя в качестве «историка американского континента» и в своем «Критическом исследовании» («*Examen critique*») представляет длящуюся свыше десятилетия попытку критического осмысления первой фазы процесса глобализации⁸.

Созданное Гильдебрандтом и одобренное Гумбольдтом соответствующее реальности изображение включает в себя еще и аллегорический, символический момент. Он ясно говорит о том, что здесь представлено изображение личности, пространство которой охватывает весь мир, а история которой опирается на пространство познания, находящегося в постоянном изменении и расширении. Здесь пространство познания и науки Гумбольдта переводится в пространство искусства. К этой взаимосвязи мы еще вернемся.

Продолжающийся процесс письма на картине говорит нам о том, что изображенный здесь процесс познания указывает на другое, мобильное место писания мирового путешественника. Познание связывается с движением (путешествием), хотя и не так явно, как на полотне Вайча, но и здесь в сопоставлении карты мира и поведения человека, пишущего на своем колене, нам дан рисунок, который непосредственно сфокусирован на рукописи и движении письма. Образ музы истории и славы, который Ян Вермеер передал в своем изобразительном языке, в акварели Эдуарда Гильдебрандта 1848 г. был не только перенесен во времена Гумбольдта, но спроецирован на него самого. Благодаря этому стало очевидным центральное строение его теории науки и его научной практики: познание, развертывающееся в поэтике движения и обретающее знание на основании собственных путешествий.

Фигура самого художника у Гильдебрандта исчезает, и намек на нее можно найти только во взгляде Гумбольдта, смотрящего на написанное им [Ette, 2001, p. 190]. В многочисленных набросках, служа-

⁸ О теории глобализации Гумбольдта см.: [Ette, 2009], а также первое полностью доступное издание на французском языке *Examen critique* в: [Humboldt, 2009b].

щих подготовительным материалом для написания акварели 1848 г., виртуозно представлены многообразные переплетения письма и рисунка, точнее, письмо представлено как образ путешествия. Силовые линии карты мира и оценки мира соединяются вместе в процессе написания дневника путешествия. Но как можно присутствующую в картине эпистемологию обосновать более тщательно и связать с анализом дневников американского путешествия?

Для ответа на этот вопрос мы должны хотя бы кратко обратиться к последующим изображениям пространства знания. Каким образом Эдуард Гильдебрандт подходит к динамике пространства знания, демонстрирует следующая, не менее впечатляющая акварель 1856 г., изображающая Александра фон Гумбольдта в его библиотеке. Стратегия изображения этого пространства знания концентрируется здесь не на акте письма, но на акте чтения: здесь портретируемый прерывает не записывание какого-то текста, а свою лекцию. Александр фон Гумбольдт сидит здесь среди своих книг, многочисленных предметов искусства⁹, рукописей, карт, документов и иных объектов, которые постепенно открываются наблюдателю и вновь выполняют здесь референциальную функцию. При этом пространственные отношения между глобусом и головой Гумбольдта образуют горизонтальную ось симметрии, которая должна наглядно связать силовые линии этого пространства. Знание о мире, которое здесь представлено в виде самых разнообразных артефактов и сфокусировано на шаре глобуса, персонифицируется в фигуре ученого, который не только объехал весь мир, но в своем «путешествии по собственной комнате» смог представить знание, полученное благодаря собственным путешествиям и путешествиям других людей. Совместная игра между головой Гумбольдта и шаром глобуса структурирует ландшафт теории [Ette, 2013], библиотечный ландшафт (европейского) знания, которое в наглядном виде предстает в библиотеке Гумбольдта как в некоем микрокосме.

⁹ Очень подробный, немислимый без участия самого ученого сопроводительный текст подчеркивает документальную достоверность этого изображения. Этот текст в связи с выставкой данного портрета был опубликован на немецком, французском и английском языках и содержит перечень предметов, видимых на изображении библиотеки Гумбольдта. Здесь следует упомянуть лишь некоторые предметы, образующие как бы потенциальный рассказ о центральном пункте, из которого нужно исходить, чтобы представить историю путешествий Александра фон Гумбольдта и некоторые особенности библиотеки как его рабочей комнаты. К идентифицированным предметам принадлежат созданный Кристианом Раухом бюст короля Пруссии, статуэтка королевы, модель обелисков Луксора и набросок Фердинанда Беллерманна, изображающий вход в пещеру Гуачаро (Guacharo-Höhle), которую Гумбольдт посетил в начале своего путешествия. Присутствуют также инструменты, которую путешественник по миру собирал пятьдесят лет [см.: Nelken, 1980, p. 3–136].

Как в положении тела пишущего выражается двойное место процесса письма – письмо во время путешествия и письмо за письменным столом, так и в видимом спокойном положении читающего проявляется некоторое движение, которое благодаря окружающим артефактам оказывается движением «вокруг моей комнаты», если воспользоваться названием написанного в тюрьме и вышедшего в 1790 г. романа французского писателя Ксавье де Местра (Xavier de Maistre, *Voyage autour de ma chambre*). Во внутреннем пространстве библиотеки восьмидесятисемилетнего Гумбольдта нельзя представить знание о мире без путешествия по этому миру. Поэтому неудивительно, что как раз дневники того путешествия, которое заложило основания всемирной славы Гумбольдта, представляют важнейшее сокровище пространства знаний Гумбольдта на Ораниенбургской улице в Берлине. В них не только пересекаются силовые линии пространства знания, которое так мастерски изобразил Эдуард Гильдебрандт, но одновременно воплощается эпистемология как поэтика процесса письма, которое немислимо без своего эмпирического основания.

* * *

Если всякое писание, как учат нас «*Эпос о Гильгамеше*» и «*Шуцзин*», с самого начала есть некоторое путешествие, при котором движения руки по поверхности листа и движения глаз при чтении налагаются друг на друга и одновременно *движения (motion)* соединяются с *эмоциями (emotion)*, то писание Гумбольдта является потенциальным движением. Его собственные и чужие путешествия всегда открыты для новых движений, для новых путешествий. Все его тексты представляют собой одну цельную *работу в развитии*, всегда устремлены к новым горизонтам, открыты для новых исследований, для новых ландшафтов теории, что придает сочинениям Гумбольдта фундаментальную открытость.

Как раз незавершенность его главного труда выражает, иногда даже вопреки намерениям самого автора, определенную научную программу и является знаком его интеллектуальной честности. Как мог бы он завершить то, что для него самого всегда оставалось в движении? Как мог бы он придать оседлость своей кочевой жизни – оседлость, которая никогда ему не давалась?

Манера письма Гумбольдта – со всеми ее противоречиями и со всем радикализмом – является модернистской манерой и одновременно выражением модерна. Его сочинения – и это есть центральный признак модерна – несут на себе не только отпечаток истории, но вместе с обширностью его литературы о путешествиях говорят также о брэнности всякого опыта, всякого состояния науки, всякого понимания. «Бы-

тие – пишет он в “*Космосе*” – в его полном объеме и внутреннем смысле вполне познается только как становление» [Humboldt, 2004, p. 35]. Это историческое становление манеры письма Гумбольдта, как и наука Гумбольдта, не уходит в историю, но вполне раскрывается только в нашей современности и в нашем будущем. Сочинения Александра фон Гумбольдта проходят сквозь время и как раз в последнюю четверть века они опять отправились в путешествие. И это обусловлено не тем, что они принадлежат классику и застыли в своей законченности, а тем, что они демонстрируют путешествующее мышление, которое для нас сегодня жизненно важно, – многологичное мышление, не допускающее остановки. Мысль в прыжке, устремленном в будущее.

Но что можно понимать под такого рода «кочующим мышлением»? И здесь опять автор «*Обзора Кордильер и монументов туземных народов Америки*» указывает нам на принципиальную незавершенность знания и науки и связывает с этим незавершенность своих собственных мыслей, сочинений и публицистики. Многообразие названий многих его томов указывают на то, что – как это было со «*Взглядами на нижний Рейн*» его друга Георга Форстера, с которым он предпринял знаменательное путешествие на Рейн после возвращения из Англии и революционной Франции, – все новые и новые «*Взгляды на природу*», все новые «*Взгляды на культуру*» так наслаиваются друг на друга в кубистической манере, что возникает литературная картина движения. Мобильность знания как план построения мира, который стоит изобрести заново. Гумбольдт идет не только на разведку нового мира, но также и прежде всего стремится к созданию нового мира – такого мира, в котором в планетарном масштабе люди живут совместно в добрососедстве и свободе.

Мышление из движения через перемещение в пространстве одновременно является мышлением из движения через самые разные области знания. Уже в революционном 1789 г. двадцатилетний Гумбольдт проявил себя как «чужак» (Fremdling) среди наук, уже рано он проявил себя не только как филолог и историк культуры, но и как математик и ботаник и достиг быстрого успеха в самых разных областях науки. Выступления «чужака» ясно показывали, что для Александра фон Гумбольдта нельзя задать никакой «собственной» территории, никакой собственной «родной дисциплины». О целом можно думать только в том случае, если все можно связать со всем. «Все есть взаимодействие»¹⁰, провозглашает он в своем дневнике путешественника.

От антропологии и старой американистики через геологию и географию, климатологию и теорию культуры, физику и географию растений до истории языка, вулканологии и зоологии проходят долго-

¹⁰ См.: *Humboldt, A. von. Amerikanische Reisetagebucher. Bd. IX* (Государственная библиотека в Берлине РК), ин-фолио в кожаном переплете, с. 27, передняя сторона; весь отрывок, содержащий приведенные слова, см. в: [Humboldt, 2003, p. 358].

временные научные интересы ученого, который, проходя различные дисциплины, вступил на новый путь познания и как путешествующий через науки развил трансдисциплинарное и в многогранном смысле *кочующее* знание. Подобно кочевнику, он не стремился ни к овладению какой-то территорией (знания), ни к ее разрушению. Поэтому неудивительно, что он стал одним из основателей экологического и геоэкологического мышления. Свои работы Гумбольдт писал и издавал как на немецком, так и на французском языках. В своих американских дневниках, которые в ноябре 2013 г. вновь вернулись в Берлин и еще ждут научной обработки, Гумбольдт постоянно перемещается между немецким и французским языками, а также между латинским и испанским. Кто он – пруссак, француз? – Безусловно, европеец. Для националистических целей автор «*Космоса*» не годится.

В его рукописях и публикациях немецких и французских текстов можно обнаружить целые дюжины отрывков на других языках, с которыми он познакомился в Горной академии во Фрейбурге (Саксония), когда изучал там технику металлургии под землей, как впоследствии изучал ее на вершинах Анд – как в «Старом», так и в «Новом» свете. Гумбольдт вполне осознавал – и наличие самых разных языков в его «*Examen critique*» и в его «Космосе» делает это совершенно ясным, – что мир нельзя понять, глядя на него лишь с точки зрения одного языка, пусть даже так называемого мирового языка. Туземные языки, с которыми он знакомился во время своих путешествий, производили на него такое же впечатление, как и языки науки. Его мышление нельзя себе представить без постоянного процесса перевода, без переложений с одного языка на другой и связанных с этим трансформаций.

Мышление этого первого глобального теоретика в подлинном смысле этого слова является кочующим: оно перемещается среди слов, от одной науки к другой, между мирами. Как язык, которым он пользовался, был транслингвистическим без устойчивых предпочтений, так и мышление его было принципиально кочующим. Оно, без сомнения, несло на себе отпечаток западноевропейского мышления и включало в себя четкую связь этики и эстетики, однако опять-таки вследствие движения и в процессе самого движения точки зрения варьировались, и общая позиция постепенно сводилась к попытке мыслить мир по-новому и осознавать его под разными углами зрения. Его целью не была ни атопия, ни утопия, а политопия – в смысле исследования и мышления одновременно с разных точек зрения.

Иными словами, Александр фон Гумбольдт понимал свою деятельность как попытку среди все более дифференцирующихся дисциплин, среди различных языков и культур создать как можно больше зон взаимных контактов, переходов и обмена взглядами, короче говоря, – новую область взаимообмена и взаимодействия. Как у чу-

жака нигде нет дома, так и его жизнь была постоянным движением и стремлением, и как кочевник везде и всегда дома, так и он везде чувствовал себя дома.

Александра фон Гумбольдта можно понять как научного кочевника, находящегося в постоянном движении, и именно в этом смысле он является гражданином мира. При этом наивысшая подвижность является для него не только научной программой, но программой (и программированием!) его жизни. Искусство жизни мыслится как искусство переживания, поэтому *подвижность* характеризует как мышление и научный стиль Гумбольдта, так и всю его жизнь. И если проект науки и проект жизни у Гумбольдта, как у очень немногих людей, так гармонично согласуются между собой и наполняют его жизнь до глубокой старости, то это дает поистине хорошее основание говорить о *проживаемой (gelebten)* науке – о той науке, о которой он говорил в «*Моей вере*» и в речи о своей «кочевой жизни».

Только в терминах новой, трансдисциплинарной, а не только междисциплинарной концепции науки можно понять науку Гумбольдта как конструкцию, связывающую и трансформирующую самые разные дисциплины. Сегодня мы гораздо лучше понимаем, почему с академической точки зрения его мышление было истолковано совершенно неправильно, когда автора «*Космоса*» упрекали в том, что ни в одной области науки он не был настоящим специалистом. Ибо Гумбольдт отнюдь не стремился к узкой специализации, при которой почти невозможен диалог с представителем другой специальности. Его влекло миграционное знание, которое благодаря широчайшей сети корреспондентов и неустанного труда получения результатов открывало возможность аргументации, исходя *одновременно* из разных дисциплинарных точек зрения и разных языков конкретных наук. Его мышление не знало стесняющих нас сегодня границ междисциплинарного (или взаимно «дисциплинирующего») исследования.

Однако не следует забывать, что его обширная, насчитывающая тридцать тысяч писем переписка убедительно свидетельствует о том, что его вдохновлял дух беспокойства (*esprit d'inquietude morale*), который трудно было бы втиснуть даже в рамки трансдисциплинарности. Кочующее, не скованное никакими дисциплинарными рамками мышление Александра фон Гумбольдта позволяет нам видеть в нем современного интеллектуала, который не чувствует себя связанным границами научного дискурса. Поэтому если он за время своей жизни сумел выполнить те функции, которые позволяют признать в нем интеллектуального предвестника современности (*avant la letter*), то это обусловлено не только *испытанной*, но в некотором важнейшем смысле *пережитой* наукой, которая не только подвергает испытанию стойкость, но настойчиво действует. Эпоха Гумбольдта отошла в ис-

торию, но сохранилось его кочующее мышление: в его сочинениях оно остается полным жизни и дает импульс к движению нашей собственной жизни.

Пер. с нем. *А.Л. Никифорова*, науч. ред. *И.Т. Касавин*

Список литературы

Beck, 1959-60 – *Beck H.* Alexander von Humboldt. 2 Bände. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959–60. Vol. 1. 303 p., Vol. 2. 439 p.

Biermann; Schwarz, 2008 – *Biermann K., Schwarz I.* Warum bezeichnete sich Alexander von Humboldt als DER ALTE VOM BERGE (Vecchio della Montagna) // HiN – Alexander von Humboldt im Netz. Internationale Zeitschrift für Humboldt-Studien IX, 17. 2008 Vol. IX. No. 17. P. 71–73. URL: <http://www.hin-online.de> (дата обращения: 02.10.2017).

Biermann, 1990 – *Biermann K.* Alexander von Humboldt. Vierte Auflage. Leipzig: BSB B.G. Teubner, 1990. 146 p.

Cannon, 1978 – *Cannon S. F.* Science in Culture. The Early Victorian Period. N. Y.: Dawson and Science History Publ., 1978. 308 p.

Duviols; Minguet, 1994 – *Duviols J.-P., Minguet C.* Humboldt. Savant-citoyen du monde. Paris: Découvertes – Gallimard, 1994. 144 p.

Ette, 2013 – *Ette O.* Roland Barthes. Landschaften der Theorie. Konstanz: Konstanz Univ. Press, 2013. 153 p.

Ette, 2009 – *Ette O.* Alexander von Humboldt und die Globalisierung. Das Mobile des Wissens. Frankfurt a/M.; Leipzig: Insel Verlag, 2009. 476 p.

Ette, 2002 – *Ette O.* Weltbewußtsein. Alexander von Humboldt und das unvollendete Projekt einer anderen Moderne. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2002. 288 p.

Ette; Bernecker, 2001 – *Ette O., Bernecker W.L.* (ed.). Ansichten Amerikas. Neuere Studien zu Alexander von Humboldt. Frankfurt a/M.: Vervuert, 2001. 272 p.

Ette, 2001 – *Ette O.* Literatur in Bewegung. Raum und Dynamik grenzüberschreitenden Schreibens in Europa und Amerika. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2001. 575 p.

Ette, 1991 – *Ette O.* Der Blick auf die Neue Welt // O. Ette (ed.) Alexander von Humboldt: Reise in die Äquinoktial-Gegenden des Neuen Kontinents. Herausgegeben von Ottmar Ette. Mit Anmerkungen zum Text, einem Nachwort und zahlreichen zeitgenössischen Abbildungen sowie einem farbigen Bildteil. Vol. 2. Frankfurt a/M.; Leipzig: Insel Verlag, 1991. P. 1563–1597.

Fiedler; Leitner, 2000 – *Fiedler H., Leitner U.* Alexander von Humboldts Schriften. Bibliographie der selbständig erschienenen Werke. Berlin: Akademie Verlag, 2000. 520 p.

Hein, 1985 – Alexander von Humboldt. Leben und Werk / Ed. by Hein W.H. Frankfurt a/M.: Weisbecker Verlag, 1985. 334 p.

Humboldt, 2009a – *Humboldt A. v.* Geographischer und physischer Atlas der Äquinoktial-Gegenden des Neuen Kontinents. – Unsichtbarer Atlas aller von Alexander von Humboldt in der Kritischen Untersuchung aufgeführten und analysierten Karten. Frankfurt a/M.; Leipzig: Insel Verlag, 2009. 248 p.

Humboldt, 2009b – *Humboldt A. v. Kritische Untersuchung zur historischen Entwicklung der geographischen Kenntnisse von der Neuen Welt und den Fortschritten der nautischen Astronomie im 15. und 16. Jahrhundert. Mit dem geographischen und physischen Atlas der Äquinoktial-Gegenden des Neuen Kontinents Alexander von Humboldts sowie dem Unsichtbaren Atlas der von ihm untersuchten Kartenwerke* / Transl. by J.L. Ideler, ed. by O. Ette. Frankfurt a/M.; Leipzig: Insel Verlag, 2009. 534 p.

Humboldt, 2004 – *Humboldt A. v. Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung* / Ed. by Ette O., Lubrich O. Frankfurt a/M.: Eichborn Verlag, 2004. 944 + XXXII p.

Humboldt, 2003 – *Humboldt A. v. Reise auf dem Río Magdalena, durch die Anden und Mexiko. Teil I: Texte. Zweite, durchgesehene und verbesserte Auflage* / Ed. by Faak M., Biermann K.-R. Berlin: Akademie Verlag, 2003. 402 p.

Humboldt, 1993 – *Humboldt A. v. Briefe aus Amerika 1799–1804* / Ed. by U. Moheit. Berlin: Akademie Verlag, 1993. 378 p.

Humboldt, 1987 – *Humboldt A. v. Aus meinem Leben. Autobiographische Bekenntnisse* / Ed. by K.-R. Biermann. München: C.H. Beck, 1987. 228 p.

Humboldt, 1973 – *Humboldt A. v. Die Jugendbriefe Alexander von Humboldts 1787–1799* / Ed. by Jahn I., Lange F.G. Berlin: Akademie-Verlag, 1973. 838 p.

Humboldt, 1845-1862 – *Humboldt A. v. Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung. 5 Bände.* Stuttgart – Tübingen: Cotta, 1845–1862.

Krätz, 2007 – *Krätz O. Alexander von Humboldt. Wissenschaftler – Weltbürger – Revolutionär* / Ed. by Kinder S. und Merlin H. München: Callwey, 2007. 214 p.

Kutzinski; Ette; Walls, 2012 – *Alexander von Humboldt and the Americas* / Ed. by Kutzinski V.M., Ette O., Walls L.D. Berlin: Verlag Walter Frey – ed. tranvía, 2012. 295 p.

McIntyre, 1982 – *McIntyre L.A. Die amerikanische Reise. Auf den Spuren Alexander v. Humboldts.* Hamburg: Gruner u. Jahr, 1982. 367 p.

Nelken, 1980 – *Nelken H. Alexander von Humboldt. Bildnisse und Künstler. Eine dokumentierte Ikonographie.* Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1980. 179 p.

Pfeiffer, 1960 – *Alexander von Humboldt. Werk und Weltgeltung* / Ed. by Pfeiffer H. München: Piper Verlag, 1960. 505 p.

References

Beck, H. *Alexander von Humboldt. 2 Bände.* Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959-60. Vol. 1. 303 pp.; Vol. 2. 439 pp.

Biermann, K. *Alexander von Humboldt.* Vierte Auflage. Leipzig: BSB B.G. Teubner, 1990. 146 pp.

Biermann, K., Schwarz, I. „Warum bezeichnete sich Alexander von Humboldt als der alte vom berge (Vecchio della Montagna)“, in: *HiN – Alexander von Humboldt im Netz. Internationale Zeitschrift für Humboldt-Studien IX, 17.* 2008, vol. IX, no. 17, pp. 71–73. [<http://www.hin-online.de>, accessed on 02.10.2017].

Cannon, S. F. *Science in Culture. The Early Victorian Period.* New York: Dawson and Science History Publ., 1978. 308 pp.

Duviols, J.-P., Minguet, C. *Humboldt. Savant-citoyen du monde*. Paris: Découvertes – Gallimard, 1994. 144 pp.

Ette, O. “Der Blick auf die Neue Welt“, in: O. Ette (ed.) *Alexander von Humboldt: Reise in die Äquinoktial-Gegenden des Neuen Kontinents. Vol. 2*. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel Verlag, 1991, pp. 1563–1597.

Ette, O. *Alexander von Humboldt und die Globalisierung. Das Mobile des Wissens*. Frankfurt am Main, Leipzig: Insel Verlag, 2009. 476 pp.

Ette, O. *Literatur in Bewegung. Raum und Dynamik grenzüberschreitenden Schreibens in Europa und Amerika*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2001. 575 pp.

Ette, O. *Roland Barthes. Landschaften der Theorie*. Konstanz: Konstanz University Press, 2013. 153 pp.

Ette, O. *Weltbewußtsein. Alexander von Humboldt und das unvollendete Projekt einer anderen Moderne*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2002. 288 pp.

Ette, O., Bernecker, W. L. (eds.). *Ansichten Amerikas. Neuere Studien zu Alexander von Humboldt*. Frankfurt am Main: Vervuert, 2001. 272 pp.

Fiedler, H., Leitner, U. *Alexander von Humboldts Schriften. Bibliographie der selbständig erschienenen Werke*. Berlin: Akademie Verlag, 2000. 520 pp.

Hein, W. H. (ed.). *Alexander von Humboldt. Leben und Werk*. Frankfurt am Main: Weisbecker Verlag, 1985. 334 pp.

Humboldt, A. v. *Geographischer und physischer Atlas der Äquinoktial-Gegenden des Neuen Kontinents. – Unsichtbarer Atlas aller von Alexander von Humboldt in der Kritischen Untersuchung aufgeführten und analysierten Karten*. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel Verlag, 2009. 248 pp.

Humboldt, A. v. *Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung*. 5 Bände. Stuttgart; Tübingen: Cotta, 1845-1862.

Humboldt, A. v., Biermann K.-R. (ed.). *Aus meinem Leben. Autobiographische Bekenntnisse*. München: C.H. Beck, 1987. 228 pp.

Humboldt, A. v., Ette, O., Lubrich, O. (eds.). *Kosmos. Entwürfe einer physischen Weltbeschreibung*. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 2004. 944 + XXXII pp.

Humboldt, A. v., Faak, M., Biermann, K.-R. (eds.). *Reise auf dem Río Magdalena, durch die Anden und Mexiko*. Teil I: Texte. Zweite, durchgesehene und verbesserte Auflage. Berlin: Akademie Verlag, 2003. 402 pp.

Humboldt, A. v., Ideler, J. L. (transl.), Ette, O. (ed.). *Kritische Untersuchung zur historischen Entwicklung der geographischen Kenntnisse von der Neuen Welt und den Fortschritten der nautischen Astronomie im 15. und 16. Jahrhundert. Mit dem geographischen und physischen Atlas der Äquinoktial-Gegenden des Neuen Kontinents Alexander von Humboldts sowie dem Unsichtbaren Atlas der von ihm untersuchten Kartenwerke. Mit einem vollständigen Namen- und Sachregister*. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel Verlag, 2009. 534 pp.

Humboldt, A. v., Jahn I., Lange, F. G. (eds.). *Die Jugendbriefe Alexander von Humboldts 1787 – 1799*. Berlin: Akademie-Verlag, 1973. 838 pp.

Humboldt, A. v., Moheit U. (ed.). *Briefe aus Amerika 179-1804*. Berlin: Akademie Verlag, 1993. 378 pp.

Krätz, O; Kinder S., Merlin H (eds.). *Alexander von Humboldt. Wissenschaftler – Weltbürger – Revolutionär*. München: Callwey, 2007. 214 pp.

Kutzinski, V. M., Ette, O., Walls, L. D. (eds.). *Alexander von Humboldt and the Americas*. Berlin: Verlag Walter Frey – ed. tranvía, 2012. 295 pp.

McIntyre, L. A. *Die amerikanische Reise. Auf den Spuren Alexander v. Humboldts*. Hamburg: Gruner u. Jahr, 1982. 367 p.

Nelken, H. *Alexander von Humboldt. Bildnisse und Künstler. Eine dokumentierte Ikonographie*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1980. 179 pp.

Pfeiffer, H. (ed.). *Alexander von Humboldt. Werk und Weltgeltung*. München: Piper Verlag, 1960. 505 pp.